

упрек — явления разных планов. Таблица в конце книги также слишком сложна, так как сочетает все перечисленные выше измерения. В книге имеется небольшая библиография (30 названий), в которой нет ряда специальных работ по английской интонации — Велдса, многих статей Болингера, Халле, Трейджера, Воде, Курата; в эту же библиографию включено несколько работ по общей фонетике, по английскому синтаксису и по частным проблемам просодии.

В заключение хотелось бы поставить вопрос более общего характера. Именно ко второй части книги, которая, по замыслу автора, и должна демонстрировать достижения непродвинутого формального подхода, можно адресовать упрек в неопределенности описания по специфичности, имея в виду именно языковую

специфичность. Однако по этому поводу можно возразить: ведь в обычных грамматиках любого языка, например, в разделе «Синтаксис» и сообщаются сведения неспецифического по отношению к языку характера — о том, что в данном языке есть подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д. Собственно языковая часть в таких книгах представляет собой лишь список иллюстраций к указанным типам. Т. е., говоря иначе, вопрос ставится так — должно ли любое монографическое описание быть не только исчерпывающим, но и дифференцирующим? Должен ли в предлагаемом описании одного языка присутствовать, хотя бы в скрытом виде, типологический аспект, включая в качестве типологических именно потенциально различающие критерии?

Т. М. Николаева

Talāt Tekin. A Grammar of Orkhon Turkic.—Bloomington, Published by Indiana University, 1968. 419 стр. («Uralic and Altaic Series», 69)

Рецензируемая книга содержит систематическое описание фонологии, грамматики (морфологии и синтаксиса) и лексики пяти древнетюркских рунических памятников: в честь Кюльтегина, Бильге-кагана, Тоньюкука, Онгиский камень, Кул-чур (Т. Текин: Kūli Cor); она представляет собой докторскую диссертацию турецкого ученого Т. Текина (защита состоялась в 1965 г. в университете г. Лос-Анжелес, Калифорния, США), который последние годы читает тюркологические курсы в университете г. Беркли, Калифорния, США.

Книга состоит из следующих основных разделов: Введение (стр. 7—20); I. Письмо (стр. 21—47); II. Фонология (стр. 50—102); III. Морфология (стр. 103—197); IV. Синтаксис (стр. 199—213); V. Грамматический индекс (стр. 215—228); VI. Тексты (указанных пяти памятников в латинской транскрипции — стр. 229—258). Перевод (на английский язык, стр. 259—295); VII. Глоссарий (стр. 229—408); VIII. Библиография (стр. 411—419).

Фонология и грамматика, как об этом пишет автор в своем предисловии, излагаются по плану, принятому в «*Philologiae turcaicae fundamenta*», I (Wiesbaden, 1959).

Введение начинается с определения термина «орхоно-тюркский (Orkhon Turkic)». «Этим термином, — пишет Т. Текин, — мы обозначаем древнетюркский диалект (the old Turkic dialect), на котором говорили тюрки или, как их называли китайцы, т'у-к'юэ (точнее: туцзюэ. — А. К.), обитавшие в основном в Монголии в первой половине VIII столетия н. э.

Этот диалект был несомненно официальным языком Второй Восточной тюркской империи [the second East Turkic Empire (ca. 680—740)]¹ и был, конечно, всего лишь естественным продолжением древнетюркского диалекта, на котором ранее говорил тот же самый народ в том же самом ареале. Орхоно-тюркский — старейший тюркский диалект, на котором писались надписи, дошедшие до нас» (стр. 7).

Это прямолинейное утверждение о преемстве языка орхоно-тюркских памятников, якобы являющегося «продолжением древнетюркского диалекта», упрощенно объясняет сложный процесс образования и развития литературного языка, дошедшего до нашего времени в текстах указанных выше пяти древнетюркских памятников, язык которых Т. Текин называет «официальным диалектом Второй Восточной тюркской империи» (см. ниже).

Язык этих памятников, очень близких по своим фонологико-грамматическим и лексическим признакам, представляет собою литературный вариант, возникший на основе ряда близкородственных древнетюркских диалектов, на которых говорили тюркские племена, входившие в состав Второго (восточного) тюркского каганата; каждый племенной диалект имел, конечно, свои специфические особенности, что может быть подкреплено, например, следующими сообщениями.

Текст памятника в честь Кюльтегина был составлен, как известно, его родст-

¹ Точнее: 681—744 гг.

венником Йол(д)ыг-тегином, который принадлежал к господствующему племени ашына. Текст памятника в честь Тоньюкука составлен самим Тоньюкуком, представителем племени ашыде. При ближайшем рассмотрении ясно обнаруживаются не только следы различия в стиле обоих памятников, но и некоторые морфологические и синтаксические особенности, свойственные каждому из них в отдельности, что и является убедительным доказательством выдвинутого выше тезиса: при всей лексико-грамматической близости этих памятников в них, тем не менее, обнаруживаются еще черты диалектных различий. Таким образом, можно полагать, что в памятниках представлен не один монолитный диалект, а их литературная форма, возникшая на основе ряда диалектов.

Эти надписи — в своей главной и определяющей части лексико-грамматического материала — являются письменными памятниками огузских языков, которые уже в те времена не были свободны от влияния других групп тюркских языков.

Специфические фонологико-грамматические особенности этих памятников Т. Текин видит в следующем:

- (а) сохранение билабиального звонкого *b*, который позднее в срединной и конечной позициях превратился в *w*;
- (б) сохранение звонкого дентального *d*, который позднее превратился в звонкий интердентальный;
- (в) сохранение носового палатального *ñ*, который позднее превратился в *n* (в одних диалектах) и в *y* (в других диалектах);
- (г) чередование носового веларного *ŋ* с *ŋ*;
- (д) образование гентива с помощью *-in/-in*;
- (е) образование аблатива с помощью *-da/-dā*;
- (ж) образование *present participle* с помощью *-γma/-gmā*;
- (з) образование будущего причастия с помощью *-dači/-dāči*;
- (и) образование *the future-necessitative participle* с помощью *-sīq/-sīk* (стр. 7—8).

Перечислив термины, под которыми известны в научной литературе тексты названных памятников (стр. 8—9), Т. Текин считает, что для «официального диалекта второй Восточной тюркской империи» (*the official dialect of the second East Turkic Empire*) наиболее подходит термин *Orkhon Turkic* — орхоно-тюркский (стр. 9); таким образом в основу определения языка этих памятников положен географический признак — по месту нахождения памятников в бассейне р. Орхон, которые по той же причине называются «орхонскими памятниками».

Замечу кстати, что слово *türk*, являвшееся в пору орхонских памятников не этническим наименованием, а по-

литическим термином (В. В. Бартольд), Т. Текин транскрибирует *türk* и *türük*² (см. Глоссарий, стр. 387—389); вторая, т. е. полная гласная, форма, вероятно, продукт позднейшего развития.

После описания местонахождения пяти исследуемых рунических памятников (стр. 9—12) следует обстоятельная историческая справка («General Survey of Research on Orkhon Turkic») об открытии и изучении орхонских памятников (стр. 12—20); к сожалению, целый ряд статей и книг на эту же тему, изданных в СССР, оказались не названными³.

В главе «Письмо» приводятся необходимые сведения о руническом алфавите, а также излагаются известные гипотезы о происхождении рунического алфавита. Затем подробно излагается система рунического письма и приводятся необходимые сведения об орфографии и пунктуации.

Глава «Фонология» начинается с определения числа гласных; их девять: *a, ā, e, i, ī, o, ō, u, ū*. Все они, за исключением *e* (*cl*sed *e*, стр. 53), по четыре гласных распределяются по известным четырем признакам (см. стр. 50). Затем следует обстоятельное описание гласных фонем (термином «фонема» автор не пользуется, употребляя лишь термин *the vowel*) и объяснение основных фонетических закономерностей, связанных с гласными фонемами: гласные непервых слогов, гармония гласных, так называемые соединительные гласные, суффиксальные гласные (*suffix vowels*), т. е. сингармоническое чередование гласных в суффиксах. В орхоно-тюркском, по мнению Т. Текина, имеются долгие гласные непервых слогов, их наличие он аргументирует орфографией памятников: Долгие гласные непервых слогов обычно пишутся, если они встречаются в закрытых слогах, в то время как краткие гласные вообще не отмечаются (стр. 67). По причине отсутствия точных объективных данных о долготе гласного в том или ином слове автору приходится прибегать к крайне осторожным формулировкам (см., например, на стр. 68: «The final vowel of the following word, too, is probably long: *qara* „black“; см. еще замечание о долгих *ā, i, u* на стр. 68—69).

Рассматривая чередование гласных («Vowel alternations», стр. 70—71) в первом слове *a ~ i, ā ~ i, e ~ i*, Т. Текин предположительно объясняет это явление

² То же см.: R. Giraud, *L'inscription de Bain Tsokto*, Paris, 1961, стр. 66, 154.

³ О них см.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 181—195; А. Н. Конов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 38, примеч. 51—54.

отсутствием ударения на первом слоге слова. Это предположение находится в противоречии с известным положением В. В. Радлова о наличии двух ударений в двух-, трехсложных словах: второстепенное ударение на первом слоге, главное — на последнем слоге. Если бы ударение на первом слоге вовсе не было, то весьма вероятно, что гласный первого слога полностью бы редуцировался. Чередование гласных широких ~ узких в первом слоге, по всей вероятности, отражает междиалектную дифференциацию гласных, существовавшую в глубокой древности.

Ряд интересных примеров приведен в разделе «Палатализация» (стр. 71—72), где рассматривается переход (лучше сказать: чередование) гласного *i*: *i* под влиянием дентально-альвеолярных и палатальных согласных.

Явлениями ассимиляции (регрессивной и прогрессивной) уделено внимания значительно меньше, чем они заслуживают (стр. 72). Отмечено также явление стяжения-контракции: *a* < **aγa*, *ā* < **āgā* (стр. 73).

В разделе «Падение гласных» («Loss of vowels», 73—74) рассматриваются синкопа, апокопа, красис (*bōdkā* «at this time» < *buōdkā*) и гаплогогия. Явление синкопы (например: *adril-eto be separated* < **adīril-*) объясняется не только *и*, пожалуй, не столько качеством согласного (*r*, *l*, *n*, *γ/g*, *y*), сколько распределением ударения: срединный слог в трехсложном слове не имеет ударения, а потому гласный выпадает, и слово из трехсложного преобразуется в двухсложное. Из трех примеров, приведенных для иллюстрации апокопы, по крайней мере один может быть истолкован иначе: *yul-eto plunders*, а форма *yul-*, может быть, является так называемой «участательной» формой от той же основы. Гаплогогия иллюстрируется одним примером: *yoyurca* «as if kneading» < *yoyuručā*.

В разделе «Консонанты» (стр. 75—92) не дается фонологическое описание состава согласных указанных пяти памятников; наличие того или иного согласного демонстрируется лишь в составе слова. В подразделе «Изменения согласных» («Consonant changes», стр. 92—102) рассматриваются следующие фонетические закономерности: назализация: *bān* > *mān*; деназализация *h*; *ariltiv* < *ariltiv*, *tōrāgin* «your institutions» ~ *tōrāhin*; деназализация *ñ* — палатальный носовой *ñ* чередуется с *y*: *tay* «colt» < **tañ*; деназализация *m*: *tarban-qa* ~ *tarmanqa*; деназализация *š*: *mis* ~ *miš*; *sad* ~ *šad*; *aša* «climbing over» < **aša* и др.; чередование *l* ~ *š* (~ *s*): *ilgārū* < *iškārū*; ассимиляция согласных — прогрессивная ассимиляция: а) контактная: *čč* < **čs*, б) дистанционная: *balbal* «statue» < **barmal* (ср.: Mong. *barimal*); регрессивная ассимиляция: а) контактная: *tt* < *dt*; б) ди-

станционная: *č* — *č* < *š* — *č*; диссимляция согласных *x*: а) контактная: *kl* < *gl*, б) дистанционная: *b* — *n* < *m* — *n*; контракция: *h* < *nγ/ng*; протеза: *yilpaγut* «heroes» < **ilpaγut* < **alpaγut* (ср. Mong. *albaγud* «government officials, officers»); трудно определить, какова природа начального *y* в подобных словах (ср. еще: *aγač* ~ *yaγač* ~ *yūγač* «дерево»); эпентеза: а) internal hiatus: *biri-y-ā* «in the south», б) external hiatus: *anča yidmīs* «he sent (a message) as follows» < *anča yidmīs*.

Ударение в орхоно-тюркском языке, как полагает Т. Текин, было экспираторным и падало, как правило, на последний слог.

Морфология состоит из следующих основных разделов. I. Словообразование: 1) Суффиксация — отыменные имена, отыменные глаголы, отглагольные имена, отглагольные глаголы; 2) Слово-сложение — сочинительное, подчинительное; II. Словоизменение: 1. 1) Именное словоизменение — мн. число, принадлежность, согласование, падежи, 2) Местоимение, 3) Имя числительное, 4) Наречие, 5) Послелог, 6) Союзы, 7) Частицы; 2. Глагольное словоизменение: 1) глагольные имена, 2) герундий, 3) финитные формы: первичные, вторичные, сложные. Как явствует из этого перечня, имя существительное и имя прилагательное вообще не рассматриваются в качестве отдельных подразделений имени.

В подразделе «Отыменные имена» (стр. 103 и сл.) суффиксы перечисляются в алфавитном порядке без попытки их систематизировать по принципу выражаемых ими значений, без определения функций суффиксов и без подразделения производных от них слов на имена существительные и прилагательные.

В разделе «Словообразование» наряду с приемлемыми объяснениями этимологического состава различных слов иногда встречаются такие, которые требуют исправлений, например: *ilk* «first» разлагается на *il* «front» + *-k* (стр. 105), в то время как на стр. 147: *ilki* < *il* + *-ki*; в слове *arqa* морфема *-qa* рассматривается как «the dative-locative suffix» (стр. 105), хотя есть и другие, более вероятные гипотезы. Суффикс *-γi/-gi* приведен на стр. 104, в § 9, а его фонетическая разновидность *-qi/-ki* приведена на следующей странице, в § 15. Едва ли удовлетворит кого-нибудь и толкование функции суффикса *-i*: «to form nouns designating colors: *qizil*, «rot» (стр. 105). Безусловно разного происхождения суффиксы *-ti*, *-ti* в словах *amtī* «now» и *ekin-ti* «second, secondly»⁴.

Суффикс *-ā* в глаголе *bādzā-* (стр. 108) может с равным основанием рассматри-

⁴ Ср.: Г. И. Рамstedt, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 50—51.

ваться и как образующий глаголы от имен и как образующий глаголы от глаголов, так как *bādis*, по справедливому замечанию Т. Текина (стр. 103), имеет именное и глагольное значение — «design; to design».

Суффикс *-ad/-ād* (стр. 108) этимологически состоит из двух морфем *-a + -d*, что и следовало бы отметить; это же относится и к ряду других суффиксов, например, *-yar/-gār* (стр. 108), *-rqa/-rka* (стр. 109).

В подразделе «Отглагольные имена» (стр. 110 и сл.) не следовало бы помещать субстантивированные герундии и причастия, а равно герундивные формы, используемые в функции наречий; таковы, например: *ara, basa, yana, tara*.

В разделе «Отглагольные глаголы» (стр. 115 и сл.) среди залоговых суффиксов рассматривается *-mal-mā* (forms negative stems), что не имеет, конечно, отношения к теме.

Словосложение имен (стр. 118) представлено единичными примерами, что свидетельствует об ограниченном употреблении этого вида словообразования в древнетюркских памятниках. Словосложение глаголов описано достаточно подробно и точно (стр. 118—120).

В подразделе «Падеж» (стр. 125 и сл.) рассматриваются именительный, родительный, вишительный, дательный-местный, местно-исходный, директивный, эквативный, инструментальный, комитативный падежи. Директивный на *-γaru/-gārū* можно с известным основанием рассматривать как разновидность дательного падежа *-γal/-gā*, осложненного формантом *-ru/-rū*, который, по-видимому, функционально равнозначен суффиксу *-al/-rā*.

Именные формы на *-ča/-čā* («эквативный падеж») и на *-lıγu/-lıgū* («комитативный падеж») нельзя причислить к падежным суффиксам, так как они не отвечают требованиям определения этой грамматической категории; русская тюркологическая традиция первый формант рассматривает как наречьеобразующий суффикс (о чем, кстати, пишет и сам Т. Текин на стр. 136); второй формант следует рассматривать как послелог-суффикс.

Подробно разработан раздел «Наречие» (стр. 150 и сл.), положения которого (как, впрочем, и почти всех других разделов) иллюстрируются хорошо подобранными примерами; однако к числу наречий меры и степени («Adverbs of degree», стр. 158—161) не следует относить имена прилагательные *bubsiz, qalısiz, kargäksiz, sansiz, aḥlık ~ aḥilki, kičig* и имя существительное *nāp*. Кстати замечу, что предложение, приведенное в качестве иллюстрации к наречию *idi* «never (with negative)»: *ötükän yišda yig idi yoq ärmis* (I concluded: a land better than the Ötükän Mountains does not exist at all» (KT, s 4), С. Е. Малов переводил иначе: «... в Отыканской черни не было хорошего (т. е.

настоящего) владыки»⁵; слово *idi* как омоним значит: 1) господин, хозяин, 2) совсем (при отрицании)⁶.

Обстоятельно разобраны послелог (стр. 162 и сл.), союзы (стр. 168 и сл.), частицы (стр. 172 и сл.), отглагольные имена (стр. 174 и сл.), причастия (стр. 176 и сл.). Не следует, однако, относить к причастиям форму на *-γmal/-gmā* — это отглагольные прилагательные, поскольку эта форма не выражает временных отношений. Едва ли есть основания рассматривать форму на *-sar/-sār* как «the conditional gerund» (стр. 185).

«Финитные формы глагола» (стр. 186 и сл.) делятся на: 1) первичные финитные формы (желательно-повелительное наклонение); перфект (прошедшее-категорическое время изъявительного наклонения); 2) вторичные финитные формы. Последние образуются а) от глагольных имен (the verbal noun) на *-duk/-dük* и на *-siq/-sik +* суффикс принадлежности: *äbkä täg-dük-üm* «I arrived in the camp» (буквально: «to the camp my having arrived»); *türük badun öl-sik-ip* «O Turkish people, you will perish» (буквально: «Turkish people — the necessity of thy death in the future»); б) от причастий на *-ur/-ür, -däi/-däi, -miš ~ mis, -ei* (<**-γaci/-gäci*) + личные местоимения.

Предложенный Т. Текином принцип деления финитных глагольных форм на первичные и вторичные не подкреплен никакими аргументами. Если есть резон выделить в особую рубрику формы желательно-повелительного наклонения, то этого нельзя сказать о прошедшем-категорическом времени (по терминологии автора — перфект), которое, по общему признанию (с чем согласен и автор, см. стр. 188), восходит к глагольному имени и, следовательно, ничем не отличается от так называемых вторичных финитных форм. С другой стороны, «глагольные имена» на *-dik/-dik* и *-siq/-sik* вполне могут быть причислены к причастиям и, следовательно, указанное разделение финитных глагольных форм теряет смысл.

Раздел «Синтаксис» начинается с рассмотрения структуры фразы («phrase structure»); под термином «фраза» объединены традиционно выделяемые отечественным языкознанием два типа словосочетаний — атрибутивное словосочетание и предикативное словосочетание. Вопросы сложного предложения (стр. 211 и сл.), которое делится здесь на бессоюзное и союзное, изложены предельно кратко, и потому читатель не получает представления об истинном положении этого важнейшего раздела синтаксиса на материале языка памятников древнетюркской письменности.

⁵ С. Е. Малов. Памятник древнетюркской письменности. М. — Л., 1951, стр. 34.

⁶ Там же, стр. 379.

Грамматическая часть книги Т. Текина заканчивается грамматическим индексом, за которым идут тексты пяти исследованных памятников в латинской транскрипции и их английский перевод. Книга снабжена очень тщательно и квалифицированно составленным «Глоссарием», за которым следует «Библиография».

Общее впечатление от книги Т. Текина остается самым благоприятным. Тюркологи получили обстоятельное систематическое описание грамматического строя основных орхонских рунических памятников. Книга Т. Текина обогащает также

тюркологию в части изучения орхонских памятников — новой транскрипцией⁷, новым истолкованием и новым переводом отдельных трудных мест исследуемых памятников, что дает ей право занять свое место в истории лингвистического изучения орхонских памятников.

А. Н. Конопов

⁷ Эта транскрипция, правда, не всегда обоснована — см. об этом рецензию Дж. Клоусона на рассматриваемую книгу Т. Текина («Bull. of the School of Oriental and African studies», XXXII, pt. 2, 1969, стр. 415—416).

С. И. Печников. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории).—Ташкент, изд-во «Фан» УзССР, 1969. 204 стр.

Рецензируемая книга — самостоятельное монографическое исследование парадигм имени и глагола на материале одного из малоизученных и обширных памятников старозубекского языка XVII в., имеющих важное значение для воссоздания истории и исторической грамматики узбекского языка. Восполняя большой фактографический пробел в историческом изучении грамматических форм имени и глагола в узбекском языке, С. И. Иванов предложил вниманию тюркологов во многом оригинальную их систематику.

Парадигмы имени и глагола эмпирически обстоятельно описаны во всех основных чертах на материале самых различных тюркских языков, однако теоретическим обобщением накопленных сведений грамматисты занимаются все еще крайне мало. Поэтому результаты специальных исследований парадигматики имени и глагола продолжают оставаться в ряде случаев недостаточно согласованными между собой. По-видимому, именно это, как и собранные С. И. Ивановым свежие фактические материалы, побудили исследователя взглянуть на эту насущную проблему тюркского языкознания по-новому и наметить свои пути решения ее.

Ставя эту проблему, С. И. Иванов широко привлекает положения материалистической диалектики и диалектической логики и учитывает синтаксическую концепцию Потебни. Систему грамматических форм, их значений и функций С. И. Иванов предлагает рассмотреть в свете соотношения диалектических категорий предмета, свойства и отношения, в связи с чем он усматривает здесь такой изоморфизм: грамматическая форма как нечто, имеющее отдельное бытие, представляет собой вещь, предмет (в философском смысле), обладающий определенными свойствами

(значения грамматической формы), которые проявляются в отношениях данной вещи (синтаксические функции грамматической формы)» (стр. 20). На этой основе С. И. Иванов постулирует понятие субстанциональной грамматики. Сумму отношений любой формы он квалифицирует как систему ее значений, как ее сущность, обнаруживающую протиповоречие в отношении данной формы к самой себе. Такое толкование сущности грамматической формы С. И. Иванов основывает на диалектическом учении о соотношении сущности и явления. Ссылаясь на положение В. И. Ленина о наличии противоречивых тенденций «...во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»¹, С. И. Иванов заключает, что значения каждой грамматической формы нельзя понимать иначе, как неизбежно противоречивую их двойственность и проводит эту идею через всю книгу (стр. 24 и сл.).

Исходя из этого, С. И. Иванов намечает в принципе единый подход и к вопросу о многозначности грамматических категорий, и к проблеме их системности. При этом С. И. Иванов замечает, что сложнейший вопрос о соотношении и иерархии отдельных значений полнсемантических грамматических форм не может решаться путем умозрительного извлечения из каждого их значения некоего инварианта, будто бы объединяющего все частные значения, поскольку, согласно диалектической логике, общее по отношению к единичному представляет собой не абстрактный инвариант, как это получается по теории единого общего значения Р. Якобсона, а ту конкретную систему, в которую включено данное единичное и в рамках которой оно функционирует.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1965, стр. 317.